

Хазимуллина Елена Евгеньевна

МОТИВИРОВАННОСТЬ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

В статье мотивированность и репрезентативность рассматриваются как важнейшие свойства формальных и семантических знаков языка, обеспечивающие его жизнеспособность и коммуникативную пригодность. Раскрывается понятие внешней и внутренней мотивированности, которое выводится с опорой на трехуровневую стратификацию языка Л. М. Васильева. Язык предстает как полимотивированная система, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак обусловлен каким-либо экстра- и/или интралингвистическим мотиватором.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-206. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Алимпиева Р. В. Цветообраз: семантика и проблемы художественного перевода // Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 50-летию образования Калинингр. области (Калининград – Зеленоградск, 26-28 апреля 1996 г.). Калининград, 1997. С. 3-24.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
3. Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Элиста, 2001. 346 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Василевич А. П. Цвет и его название: развитие лексики цветообозначений в современной России // Вестник РФФИ. М.: Время, 2000. № 1. С. 56-61.
6. Голубева Е. В. Цветоконцепт красный «улан» в фольклоре калмыков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). Ч. II. С. 22-25.
7. История философии: Запад – Россия – Восток. М.: Наука, 1995. Т. 1. 243 с.
8. Кассирер Э. Избранное: индивид и космос. М. – СПб.: Веста, 2000. С. 7-269.
9. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Современник, 1996. 415 с.
10. Молибога Г. Л. Цветообозначения, образованные от имен собственных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. II. С. 130-134.
11. Муравьева И. Барышня: роман. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
12. Муравьева И. День ангела: роман. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
13. Муравьева И. Мы простимся на мосту: роман. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
14. Муравьева И. Напряжение счастья: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
15. Муравьева И. Портрет Алтовити: роман. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
16. Муравьева И. Сусанна и старцы. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
17. Муравьева И. Холод черемухи: роман. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
18. Туранина Н. А. Современная женская проза: взгляд лингвиста. Белгород, 2009. 126 с.

FIRE ELEMENT IN FICTION OF IRINA MURAV'eva

Turanina Neonila Al'fredovna, Doctor in Philology, Professor
 OI'khova Oksana Nikolaevna
 Belgorod State Institute of Arts and Culture
 oolhova@bk.ru

The authors research the individual-authorial specificity of colour naming in the artistic discourse of Irina Murav'eva, consider the coloristic vocabulary of fire element as one of the dominant, conclude that it is an essential part of writer's colour picture of the world, and also study the peculiarities of the figurative names of fire element in the language of Irina Murav'eva's fiction.

Key words and phrases: colourative vocabulary; colour naming; colour picture of the world; fire element; discourse; metaphor; comparison; epithet.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье мотивированность и репрезентативность рассматриваются как важнейшие свойства формальных и семантических знаков языка, обеспечивающие его жизнеспособность и коммуникативную пригодность. Раскрывается понятие внешней и внутренней мотивированности, которое выводится с опорой на трехуровневую стратификацию языка Л. М. Васильева. Язык предстает как полимотивированная система, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак обусловлен каким-либо экстра- и/или интралингвистическим мотиватором.

Ключевые слова и фразы: мотивированность языка; репрезентативность; формальные, семантические знаки языка; лингвосомиотика.

Хазимуллина Елена Евгеньевна, к. филол. н.

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
 lenahk@gmail.com*

**МОТИВИРОВАННОСТЬ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ
 КАК ВАЖНЕЙШИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ[©]**

В последнее время язык чаще всего понимается как социально обусловленная, исторически сложившаяся и вместе с тем закономерно развивающаяся знаковая система, служащая главным средством человеческого

общения, реализованная в устной и/или письменной форме. Подводя итоги семиотических исследований, Ю. С. Степанов отмечает: «...каких-либо общих знаков для... языка, архитектуры, коммуникации животных и т. д. не обнаружено. Общность заключается в принципах организации знаков...» [11, с. 7]. Как и иные знаковые системы, естественный человеческий язык предназначен для передачи информации, информативность – свойство, характеризующее все знаки действительности. Другое универсальное их свойство – включенность в знаковую ситуацию, в связи с чем Ч. Моррис подчеркивает: «...нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретантом» [6, с. 48]. Специфика же языковой знаковой системы определяется ее высокой социальной значимостью, сложной структурной организацией, способностью к постоянному развитию, полифункциональностью и особой природой знаков.

По справедливому замечанию Л. М. Васильева, менее убедительной является билатеральная лингвосомиотическая концепция (Ф. де Соссюра и его последователей), поскольку «нельзя объединять в составе одного знака совершенно разнородные по своей природе и по своим функциям единицы языка (фонетические и семантические)», а из двух вариантов унилатеральной теории, восходящих к идеям Ч. Пирса, предпочтительнее та, которая как знаки представляет не только фонетические, но и семантические единицы, «ибо она позволяет рассматривать язык в целом как знаковую систему» [3, с. 13]. Главный аргумент данной теории – наличие асимметрического дуализма в языке: во-первых, одно и то же значение может быть выражено разными языковыми формами (*дом отца – дом, принадлежащий отцу – дом, который принадлежит отцу – отцов дом*); во-вторых, формы и значения в истории языка часто изменяются независимо друг от друга (**kvěť → цвет; лес ‘множество деревьев’ → лес ‘множество чего-либо поднятого, устремленного вверх’*); в-третьих, в языке имеются асемантические формы (*тормашками, впросак, делать, буженина*); в-четвертых, в силу неизоморфности формы и значения многие единицы языка идиоматичны (ср.: существительное *часы (наручные, настенные)* имеет форму мн.ч., но способно обозначать один предмет; *мебель* – собирательное существительное, имеющее форму ед.ч., но обозначающее класс, совокупность предметов; сочетание слов *во что бы то ни стало* имеет одно значение ‘обязательно’). Таким образом, язык – это сложная система формальных и содержательных знаков, характеризующихся не только универсальными, но и специфическими знаковыми свойствами. Не нуждаются в дополнительном описании такие свойства языковых знаков как социальность (социальная обусловленность), дискретность (членимость знака на составные компоненты) и структурность (связь знака с парадигмами и синтагмами языка): они хорошо изучены современной лингвистикой. Однако по-прежнему спорным является тезис о мотивированности / произвольности знаков языка и их репрезентативности.

Говоря о произвольности языкового знака, Ф. де Соссюр исходил из того, что в разных языках одни и те же предметы действительности обозначаются по-разному, связь между означающим и предметом действительности он считал столь же условной, сколько и связь между означающим и понятием, а язык в целом – «произвольным установлением» [9, с. 99-101]. Э. Бенвенист, напротив, доказывал, что означающие с необходимостью вызывают закрепленные за ними в языке представления (означаемые), а потому связь между ними «непроизвольна... она необходима», т. е. мотивирована [1, с. 92]. Однако, как верно отмечает Л. М. Васильев, «функциональная необходимость связи между означающим и означаемым отнюдь не исключает ее произвольности в указанном Соссюром смысле» [3, с. 16]. Думается, что вопрос о мотивированности знаков языка является дискуссионным во многом из-за неоднозначности трактовки самого термина «мотивированность»: 1) как соответствия формы единицы языка действительности, 2) как соответствия действительности ее содержания, 3) как внутреннего соответствия формы ее содержанию, 4) как обусловленности одного знака другим или другими, 5) обусловленности единиц языка интенциями говорящего, контекстом речи и т. д. Не случайно лингвисты делали контрастные заключения по проблеме мотивированности / произвольности языковых знаков. В. М. Солнцев, к примеру, писал: «Если считать, что значение есть отражательная категория, то, следовательно, оно мотивировано отображаемым явлением (или явлениями). В силу своей мотивированности значение не позволяет слову в целом быть немотивированным, или произвольным, явлением. Произвольным, или немотивированным, в слове остается его звучание, связь которого со значением слова произвольна... такая характеристика знака, как его произвольность, неприменима к слову в целом» [8, с. 101]. Б. А. Зильберт, напротив, утверждал, что «языковой знак ни в каком отношении не является произвольным. Знаковая система языка мотивирована системой элементов общественного сознания (концептов), которые, в свою очередь, детерминированы реальными предметами действительности (денотатами)», хотя знаком он считал только звуковой комплекс – одностороннюю сущность [4, с. 27]. Наличие в языках и знаков-символов, и иконических знаков, и знаков-индексов, по классификации Ч. Пирса, привело большинство ученых к признанию относительной системной мотивированности, подтвердившему наблюдению, сделанное ранее Ф. де Соссюром: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — можно найти все промежуточные случаи» [10, с. 31] (заметим, что Соссюр считал абсолютной «косистемную мотивированность» языковых знаков, он признавал также их мотивированность языковой способностью индивида, ассоциативным механизмом мышления, коллективным разумом и бессознательным, совокупностью речевых традиций [Там же, с. 29-31, 47, 113]; эта часть его учения чаще всего остается в тени).

Наше исследование, направленное на выявление всевозможных внешних и внутренних факторов, обуславливающих формальные и содержательные знаки языка, в целях создания общей лингвистической

теории мотивации позволило выработать более широкое определение мотивированности как относительной синхронно-диахронической (взаимо-)обусловленности формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленности этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями. Необходимо подчеркнуть, что явление мотивированности языковых знаков друг другом, системой языка в целом, мышлением, психикой человека и действительностью не исчерпывается лишь причинно-следственными отношениями (конструкция *Набежали тучи, пошел дождь* — следствие устройства реальной действительности; абсурдна обратная взаимосвязь: «*Пошел дождь, набежали тучи*», так как здесь нарушается временная последовательность событий; причина английского выражения *foot of a list* ‘нижняя часть списка’ в реальном сходстве обозначаемых предметов *foot of a mountain* ‘подножие горы’ и *foot* ‘нога, нижняя конечность тела’). К мотивационным следует относить любые отношения обусловленности; к примеру, образование новых единиц по узуализованным моделям — процесс, конечно, мотивированный, но наличие в языке образца, модели не является причиной создания новых слов, конструкций, ср.: слово *приземлиться* не является причиной слов *прилуниться* или *примарситься*, возможны также *присатурниться*, *приплутониться*, *принептуниться* и т. п. Ударение в варианте *катал'ог* обусловлено акцентологической моделью слова *диал'ог*, с другой стороны, разговорно-просторечные варианты *кат'алог*, *ди'алог* мотивированы узуализованной моделью *ан'алог*. С данной точки зрения, язык представляется более мотивированной, чем произвольной системой, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак мотивирован каким-либо из выделяемых нами типов внешней и/или внутренней обусловленности (см. [12]).

Мотивированность знаков языка не есть их отражательность, понимаемая в сосюрловском смысле: слово «*береза*» не есть отражение березы, а «*söstra*» — сестры или «*cow*» — коровы (ср.: Г. В. Колшанский полагал, что «языковое означивание, представленное в отдельном элементе — знаке и осуществляемое по законам номинации, есть вторичное существование вещи, по своему существу адекватное отражение этой вещи» [5, с. 7]). Языковые формы и значения по-разному связаны с действительностью, Б. А. Серебренников адекватно описывает эту взаимосвязь: «Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам по себе не способен¹. Фактически результатом отражения являются концепты, или понятия. Язык связан с действительностью через знаковую соотнесенность» [7, с. 75-76].

Таким образом, знаки языка выполняют репрезентативную функцию по отношению к внеязыковому, мыслительному содержанию и действительности: явления действительности → (=репрезентируются) понятиями (концептами) → языковыми значениями → формальными знаками языка. Поскольку человек познает мир в соответствии с определенным уровнем развития общественного сознания, практическими нуждами, в конкретном национально-культурном контексте, с помощью средств исторически сложившейся языковой системы, результаты репрезентации могут быть не вполне объективными, адекватными действительности, несмотря на то, что всякий раз они мотивированы (=обусловлены) теми или иными внешними и/или внутренними факторами. Весьма показательны в этом плане сопоставления номинаций в различных языках, ср. например: рус. *повесить нос* ‘грустить’, польск. *spuścić nos na kwinte* ‘повесить нос на квинту’ и англ. *to be in blues* ‘хандрить, находиться в унынии, меланхолии’ (*blues* — сокращение *blue devils*, первичное значение *blue* — ‘голубой, синий’, *devils* — ‘дьяволы’, дополнительная синхронная ассоциация — *blues* ‘блюз — грустная, депрессивная музыка’, ср. также рус. *тоска зеленая*); рус. *базарная баба* соответствует англ. *noisy woman / fishwife* ‘шумная женщина’ / ‘торговка рыбой’), а рус. *смотрит как баран на новые ворота* — англ. *he looks quite lost* (‘он выглядит совершенно потерянным’). Образность языка субъективирует картину миру. Обращают на себя внимание и идиоматические слова, структура которых фиксирует значения схематично, неполно или даже противоречиво: *выпянуть* — ‘выставить, выдвинуть вперед’, при этом значение корня *пят-* ‘двигать(ся) назад’ — противоречит семантике приставки *вы-* ‘выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом’; *заключенный* — ‘человек, который находится в заключении, под арестом’, значение корня *ключ-* — ‘металлический стержень для запирающего и отпирающего замка’, а значение приставки *за-* — ‘совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ — остается невыраженным в структуре слова семантический признак ‘под стражу, под арестом’ и ‘лишен свободы’; лексическое значение *доменная* — 1. ‘печь, то же, что домна’ и 2. ‘шахтная печь для выплавки чугуна’ — слово образуется от *домна* со значением ‘печь’. В значении слова *домна*, а значит и *доменная*, скрытой является сема ‘большая’ (это этимологический признак, ср. исторически родственные слова: *вздымать*, *надменный*), корень же *домен-* указывает на отношение к домне, а значение суффикса *-н-* — ‘относящийся к тому, что названо мотивирующим словом’. Лексическое значение слова *смертник* — 1. ‘тот, кто приговорен к смертной казни’, 2 ‘тот, кто обречен или обрекает себя на смерть’. В структуре слова остается невыраженной сема ‘приговорен’ или ‘обречен’ (*смерт-* — ‘прекращение жизнедеятельности организма’, *-ник-* — ‘лицо, характеризующееся отношением к явлению, названному мотивирующим словом’, т. е. к смерти). Корнем *тюрем-* выражается лексическое значение ‘нечто, имеющее отношение к тюрьме’, словообразовательное значение суффикса *-щик-* — ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’, латентным здесь является компонент ‘надзиратель’. Возможно множественное прогнозирование семантики данной единицы: тот, кто заключен в тюрьме, кто смотрит за

¹ Исключение из этого правила, как известно, составляют звукоподражательные и звукоименные знаки.

заклоченными, кто готовит им еду или шьет, стирает одежду и т.п., – представляется странным, что тюремщиком называется именно надзиратель, а не тот, кто сидит в тюрьме.

Итак, репрезентативность – важнейшее свойство языковых знаков, причем репрезентация не всегда есть отражение действительности, тем более полное, адекватное. Помимо отражательных знаков-образов и формальных знаков-символов в языках имеются дейктические единицы – знаки-индексы («репрезентанты-указатели»). Н. Ю. Шведова к дейктикам отнесла местоимения и некоторые классы глаголов [13, с. 9-10], Л. М. Васильев расширил этот круг: дейктическими он считает также категориальные значения частей речи и значения некоторых морфологических и синтаксических форм (предлогов, побудительных, вопросительных и др. конструкций). Все эти знаки в языке имеют какие-либо очень общие понятия, а в речи указывают на конкретные референты или на отношения между конкретными референтами, в силу чего они «образуют ядро семантической системы всех языков мира (независимо от их типа)» [2, с. 5-7]. Круг названных явлений можно дополнить также следующими примерами: русское местоимение *это* образует в устной разговорной речи ряд «универсальных» дейктических дериватов – *этовать, разэтовать, приэтовать, перэтовать, такая-разэтакая* и т.п.; ср. также *Вот-те раз!*; *Надо же было бежать! – Я раз туда!*; *А он ее фигакс!* и др. Дейктики в большей степени чем другие знаки языка мотивированы речевой ситуацией и интенцией говорящего, область их референций является самой широкой.

В заключение необходимо отметить, что язык является жизнеспособным средством общения людей, прежде всего, в силу его полимотивированности, множественной, разнофакторной обусловленности, с одной стороны, и репрезентативности, т. е. способности вмещать в себя любое содержание, – с другой.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
2. Васильев Л. М. О природе дейктических значений // Лингвистический семинар: Межвузовский сборник научных статей. СПб. - Бирск, 2001. Вып. 3. С. 3-7.
3. Васильев Л. М. Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка: уч. пос. Уфа: Изд. Баш. гос. ун-та, 1990. 60 с.
4. Зильберт Б. Мотивированность языковых знаков; опыт типологии // Вопросы семантики. Калининград: КГУ, 1976. Вып. 3. С. 26-34.
5. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 107 с.
6. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
7. Серебренников Б. А. Язык отображает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 70-87.
8. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1976. 294 с.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Лингвистика XX в.: система и структура языка: хрестоматия / сост. Е. А. Красина. М.: Изд-во РУДН, 2004. Ч. I. 651 с.
11. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5-42.
12. Хазимуллина Е. Е. Типы внешней и внутренней мотивированности языковых единиц (на материале русского и некоторых других языков): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 214 с.
13. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над Русским семантическим словарем // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-17.

MOTIVATION AND REPRESENTATIVENESS AS THE MOST IMPORTANT PROPERTIES OF LANGUAGE SIGNS

Khazimullina Elena Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
lenahk@gmail.com

The author considers motivation and representativeness as the most important properties of formal and semantic language signs ensuring its viability and communicative suitability, reveals the notion of external and internal motivation, which is derived from three-level stratification of language by L. M. Vasil'ev, and shows language as poly-motivated system, since at any given time its almost every sign is conditioned by some extra- and/or intra-linguistic motivator.

Key words and phrases: language motivation; representativeness; formal, semantic language signs; linguo-semiotics.